

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ГРАММАТИКИ XVI—XVII ВЕКОВ КАК НОРМАТИВНЫЕ РУКОВОДСТВА

В истории различных лингвистических традиций первые описания «своего» языка отвечали практическим нуждам школы, религии, государства и поэтому имели нормативный характер. Ранние восточнославянские грамматические сочинения — «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (Вильна, 1596), «Грамматики славенския правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619; 2-е изд. М., 1648; 3-е изд. М., 1721), отчасти греческо-славянская грамматика «Адельфотис» (Львов, 1591), а также рукописные грамматические и орфографические статьи XVI—XVII веков — были нормативными описаниями церковнославянского языка, который являлся основным книжно-литературным языком в ареале *Slavia Orthodoxa* до XVIII века. В рассматриваемых грамматических сочинениях предлагалось определенное решение важнейших проблем общественно-языковой практики в восточнославянской культуре XVI—XVII веков. Грамматики содержали, во-первых, оценку языковой ситуации и соответствующую модель выбора нормативного языкового образования; во-вторых, кодификацию норм церковнославянского языка восточнославянского извода; в-третьих, экспликацию некоторых мотивов и принципов языкового нормирования.

1. Центральная проблема восточнославянских языковых ситуаций заключалась в противостоянии церковнославянского и народных литературных языков и в необходимости выбора между ними в наиболее важных сферах общественно-языковой практики. Сам факт кодификации в грамматиках церковнославянского, а не народного языка означал выбор в пользу классического языка.

Оппозиция церковнославянского и народного литературного языка носила разный характер в языковой ситуации Белоруссии и Украины, с одной стороны, и Московской Руси, с другой. Если на Украине и в Белоруссии на рубеже XVI—XVII веков церковнославянский язык и «проста мова» воспринимались как два разных языка, то в Московской Руси церковнославянский и русский осознавались как функциональные разновидности одного языка. Церковнославянский язык был объективно ближе к великорусскому языку, чем к «простой мове», и (субъективно) в целом лучше упрочен в великорусской книжности, чем в белорусско-украинской. Поэтому когда первые восточнославянские грамматики утвердили в качестве нормативного церковнославянский язык, то в указанных ареалах это имело различный социолингвистический смысл. В белорусско-украинской книжности происходил выбор между двумя языками: относительно чужим и своим, высоким и средним, традиционным и современным. В великорусской ситуации выбору подлежали разновидности своего языка, однако осознаваемые различия между ними в функциональном плане воспринимались более остро, чем различия между церковнославян-

ским и «простой мовой» в украинско-белорусском ареале. Дело в том, что прагматические (функционально-экспрессивные) различия между стилями одного языка воспринимаются говорящими более определенно, чем прагматические различия между языками в условиях двуязычия, когда на первом плане стоит не стилистический контраст, а проблема понимания. Поэтому в великорусской книжности оппозиция «церковнославянский-народный язык» означала выбор между высоким и низким, вечным и преходящим, сакральным и профанным.

Различия в кодифицируемых моделях выбора церковнославянского языка отчетливо сказались в двух изданиях грамматики Смотрицкого. Если евьевское издание 1619 года, обращаясь к «простой мове» в предисловии, толкованиях и в том числе в переводах из Библии, в сущности демонстрировало принципиальную возможность использования «простой мовы» в сфере не только книжной, но и конфессиональной, то в московском издании 1648 года народный язык исключается вообще и, таким образом, единственно возможным письменно-литературным языком признается церковнославянский.

2. В восточнославянской грамматической литературе XVI—XVII веков на основе отбора и грамматической систематизации «правильных» словоформ, синтаксических конструкций, орфограмм была осуществлена кодификация материально-языковых средств, составляющих грамматическую и орфографическую норму церковнославянского языка; были также сформулированы правила построения словоформ некоторых классов и ряд орфографических правил.

В рассматриваемой грамматической литературе норма церковнославянского языка кодифицирована, во-первых, в материале языка — объекте грамматик и статей и, во-вторых, в их метаязыке. В этно-языковом плане это был церковнославянский язык восточнославянского извода. При более детальной квалификации допустимо считать, что в части памятников представлен украинско-белорусский извод церковнославянского языка («Адельфотис», грамматика Зизания, 1-е изд. грамматики Смотрицкого), в то время как в другой части памятников — великорусский извод («Донат» Дм. Герасимова, грамматические сочинения Максима Грека, рукописные статьи, изданные И. В. Ягичем в «Рассуждениях южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», 2-е изд. грамматики Смотрицкого). Языковые различия между грамматическими сочинениями, репрезентирующими указанные разные изводы, затрагивают все языковые уровни (при этом в наибольшей мере — акцентологический и фонетико-орфографический), однако значительнее всего эти различия сказались не в языке — объекте грамматик, но в их метаязыке (включая предисловия, посвящения, толкования и т. п., факты сознательного обращения к народному языку). В языке — объекте грамматик наиболее существенные различия между изводами определяются не интерференцией разных местных языковых образований и церковнославянского языка, но в первую очередь тем, что в грамматиках Зизания и Смотрицкого представлены более архаические церковнославянские явления, чем в «Донате» и в московском издании грамматики Смотрицкого.

Лингвистический анализ фактов языка-объекта позволил выявить следующие характерные черты кодификации церковнославянского языка в восточнославянских грамматиках XVI—XVII веков: 1) стремление кодифицировать наиболее традиционные формы; 2) сознательный отказ от диалектных и народно-разговорных форм, противостоящих традициям церковнославянской литературы; 3) терпимость к вариантности нормы; кодификация вариантов словоформ, синтаксических конструкций, в меньшей мере — орфограмм; 4) искусственность ряда нормативных решений (в формообразовании, в том числе под влиянием иноязычных моделей; искусственная семантическая дифференциация вариантов)¹.

Разумеется, в позициях первых кодификаторов церковнославянского языка есть противоречия: адресуя грамматики современникам, они опи-

рались на авторитеты прошлого; разрешая варианты, признавая законность аномалий, они вместе с тем искусственно «доставляли» и «выпрямляли» язык; отстаивая самобытность славянского языка в одном отношении, они эллинизировали его в другом. Однако все это не столько непоследовательность, сколько закономерные, органичные для своего времени черты лингвистического мышления.

3. В грамматических сочинениях XVI—XVII веков были эксплицированы некоторые теоретические представления их авторов о «правильном», «должном» в церковнославянском языке; эти представления в известной мере отражали и пропагандировали «языковой идеал» говорящих. Общеизвестно, что «существование языкового идеала у говорящих — это главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования»². В ситуации выбора речевых вариантов, предпочитая одни формы («правильные») и отказываясь от других, говорящие стремятся следовать «языковому идеалу», что и делает их речь литературной (т. е. соответствующей норме). Эти представления о «правильном», «должном» или «красивом» в принципе могут быть не эксплицированы: они возникают из соотнесения определенных эталонных текстов и текстов ненормативных. Кодификация нормы в грамматике или словаре также может не сопровождаться экспликацией мотивов, определявших нормативный отбор языковых явлений. Но с течением времени такие разъяснения появляются. На известном уровне развития языкового самосознания в социуме замечания такого рода перерастают в программы (теории, проекты и т. п.) языкового нормирования. В восточнославянской традиции замечания и оценки, эксплицирующие ее «языковой идеал», встречаются в рукописных фонетико-орфографических статьях, в грамматике Зизания (главным образом в орфографии), в наибольшей мере — в грамматике Смотрицкого.

Укажем основные высказанные мотивы, определявшие рекомендации. 1) Древнейший и к XVII веку уже архаический мотив вероисповедной ортодоксальности характерен главным образом для орфографических сочинений: правильное написание богоугодно, неправильное — греховно, еретично, «соблазн душам» и т. п. 2) Авторитет традиции, искусных писателей, переводчиков. *Argumentum ipse dixit* («сам сказал») — один из сильнейших во всякой культуре и в особенности в средневековой; в истории литературных языков авторитетность источника того или иного варианта употребления — один из двух главных факторов, определяющих языковые нормы (наряду с массовостью распространения нормативных вариантов). Уже Константин Костенечский (начало XV века) призывал следовать орфографии «добрых и дивных мужей» (Кирилла и Мефодия) и «великого художника славенских писмен» (Евфимия Тырновского). Смотрицкий, не раз обращаясь к авторитету «древних преводник» и «искусных писателей», первым в традиции увидел антиномию авторитета и обычая (правил): «образ глаголения противу правил» может быть, однако узаконен «искусных писателей употреблением». 3) Следование авторитетному чуждому языку. Этот мотив также известен уже Константину Костенечскому: он определяет выбор аллографа в греческом заимствовании его оригинальным написанием; указанный принцип сохраняется в церковнославянских руководствах по орфографии. У Смотрицкого ссылки на греческий синтаксис служат защите некоторых сугубо книжных оборотов. 4) Гуманистический мотив очищения языка от чуждого иноязычного влияния. Его развивает Смотрицкий, отказываясь от некоторых синтаксических конструкций, возникших под греческим влиянием. Его аргументация нередко экспрессивна: «Неискуснее было нам свое славенска диалекта чистое свойство чуждаго нимала сему приличными свойству онечищати» и т. п. 5) Эстетическое обоснование предпочтения или отказа от тех или иных вариантов, иногда в сочетании с оценками уместности, соответствия и т. п. Обычная лексика

таких рекомендаций — *изряднее, лепотне, лепо, нелепо, вящшия энергия деля* и т. п. У Смотрицкого появляется мотив эвфонии: *благогласия деля*. 6) «Нрав», «обык», «свойство языка» — эти и подобные слова использует Смотрицкий, когда обращается к факторам, определяющим своеобразие языка. Можно думать, что именно крайне общий и имманентный характер этих сил затруднил их более развернутое определение в ранних грамматиках.

Было бы неоправданной модернизацией сводить эти разрозненные замечания грамматистов по поводу тех или иных нормативных решений в некоторую систему или программу. Нормативная позиция ранних грамматик более отчетливо и полно выступает не в обоснованиях кодификации, но в самом отборе языковых фактов, включаемых в грамматику. Вместе с тем эксплицитовать хотя бы некоторые мотивы языкового нормирования крайне важно для развития языкового самосознания социума. Благодаря своему логико-эстетическому, иногда этическому, вообще не лингвистическому, а общечеловеческому и оценочному характеру, такие декларации обычно привлекают повышенное внимание говорящих и в онтогенезе нередко являются первым толчком к рефлексии над языком. В этом их значение в истории и историографии лингвистической традиции.

В целом грамматическая литература XVI—XVII веков не только была отображением церковнославянского языка в его восточнославянских изводах, но и сыграла регламентирующую роль в книжно-письменной культуре восточного славянства. Трудно, однако, определить степень нормирующего воздействия рассматриваемых грамматик на языковую практику. С этим, в частности, связаны разногласия в оценках роли грамматики Смотрицкого. Большинство исследователей (В. И. Григорович, Н. А. Засадкевич, А. С. Будилович, П. И. Житецкий, Е. Ф. Карский, В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, В. Витковский, Г. А. Хабургаев, В. В. Нимчук) считает, что его кодификация не только закрепила сложившийся узус, но и оказала значительное регламентирующее воздействие на церковнославянскую книжность. Вместе с тем ряд исследователей, обращая внимание на искусственные, «фиктивные» формы в грамматике Смотрицкого, на «фантастический репертуар временных форм», на отступление от рекомендуемых форм в метаязыке самой грамматики, оценивает нормирующее влияние Смотрицкого более осторожно³.

Вопрос о степени такого воздействия сложен по ряду причин. Во-первых, языкознание вообще не располагает надежными данными о том, в какой мере нормативные грамматики и словари влияют на языковую практику. Мнения на этот счет расходятся. На одном полюсе царит глубокий пессимизм относительно самой возможности минимального влияния (младограмматизм и его современные последователи), на другом — несомненно преувеличенная оценка грамматики как силы, созидающей не только языковую практику, но и культуру⁴. Во-вторых, даже в теоретическом плане не ясно, как оценивать те расхождения, которые всегда имеются между предписаниями нормативных грамматик и языковой практикой, в том числе «литературной» (правильной) практикой. Можно ли считать одинаково весомыми расхождения, допустим, в ударении, выборе падежа и деепричастном обороте? Как учитывать различия в частотности явлений, относительно которых грамматика и практика не противоречат друг другу, и тех явлений, где они расходятся? Где проходят границы, которые определяют «сильную», «среднюю», «слабую» и «нулевую» корреляцию между грамматикой и практикой? К сожалению, ответов на эти вопросы пока нет.

Применительно к восточнославянской грамматической литературе XVI—XVII веков сложность вопроса связана еще и с особенностями функционирования церковнославянского языка (который не был родным ни для каких этнических или социальных групп восточнославянского населения). Интерференция церковнославянского и народных языков и диалектов приводила к размытости языкового узуса в сфере книжно-

письменной культуры. В средние века языковые нормы вообще не так определены, как в новое время,— это связано с преобладанием рукописной, а не печатной книги, с иным уровнем и иной массовостью школьного обучения, вообще с меньшей централизацией и регламентированностью общественно-языковой практики. Даже в лучших, наиболее выдержанных церковнославянских рукописях обычны варианты и колебания. Грамматика давала более четкую и сглаженную, но именно поэтому в чем-то искусственную картину. И все же в таком случае, по-видимому, трудно говорить о неадекватности грамматики по отношению к реальности. С другой стороны, книжные люди средневековья, Возрождения, отчасти Просвещения не боялись искусственных лингвистических предписаний и верили в нормирующую силу грамматики и словаря. Типичное для средневековья двуязычие, ограниченность сфер употребления книжно-литературного языка, преимущественно искусственный (школьный) характер овладения ученым языком — все это способствовало нормирующему воздействию грамматики на языковую практику. Неслучайно некоторые искусственные рекомендации церковнославянских орфографических руководств вошли в практику (например, дифференцированное употребление *о* и *ѡ*, *е* и *ѣ*, *и* и *і*, написания типа *всаа*, *единая* и т. п.). Следование искусственным или полуискусственным образцам церковнославянских руководств отмечено и в области грамматики: пропуск отрицания при сказуемом в конструкциях с отрицательным местоимением; утверждения с двумя отрицаниями; эллипсис определяемого имени в конструкциях с *иже*; конструкции *еже* + инфинитив; прилагательные ср. рода в значении отвлеченного существительного; именит. — винит. падеж прилагательного ср. рода мн. ч. в значении ед. ч.; «причастодетие» Смотрицкого (*писателно*, *читателно*) и нек. др. Вместе с тем наиболее искусственные формы церковнославянских грамматик не подтверждены практикой,— например, причастия и инфинитивы, образованные по аналогии с нестяженными формами имперфекта (*читаал*, *читаан*, *читаати* и т. п.); различие дат. и творит. падежа имени в дв. ч.; различие муж. и женск.-ср. рода в косвенных падежах числительного *два*; многие из сложных глагольных форм в грамматике Смотрицкого.

В целом грамматические сочинения XVI—XVII веков и в первую очередь печатные грамматики оказывали значительное нормативное, стабилизирующее воздействие на практику использования церковнославянского языка в восточнославянской культуре. По-видимому, реальная регламентирующая роль грамматических сочинений XVI—XVII веков была менее значительной, чем то воздействие, которое оказывает на языковую практику система нормативных грамматик современного литературного языка, однако авторитет, престиж старинных грамматик в своей культуре был исключительно высок.

¹ Подробнее см.: Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики.— Минск, 1984.

² Пешковский А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях.— М., 1965.— Ч. II.— С. 293.

³ См.: Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке.— СПб., 1893.— Ч. I.— С. 405; Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache.— Heidelberg, 1980.— IV.— S. 259; Ремнева М. Л. О степени императивности нормы «Грамматики» М. Смотрицкого 1648 года // ИДВШ. Филологические науки.— 1983.— № 3.

⁴ См.: Ольховников Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания.— М., 1985.— С. 28, 234, 238.